

СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

# КЛЯНУСЬ ОТОМСТИТЬ

СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

КЛЯНУСЬ ОТОМСТИТЬ

В дачном поселке, в котором жили отец и мать Евгения Артемова, кто-то влиятельный начал массово скупать участки под стройку элитного жилья. Артемовы отказались продавать свой дом риелторам, за что их сожгли заживо. Сын поклялся расквитаться с извергами, но в одиночку ему не справиться. Он знакомится с Юрием Ярышниковым — настоящим бойцом, которого наняла роковая красotka, бизнес-леди Ангелина. Девушка потеряла любимого дедушку, которого также убили ради земельного участка. Молодые люди начинают отчаянную борьбу с преступниками. Влюбленный в Ангелину Евгений замечает, что Юрий тоже претендует на ее взаимность. Но с Ангелиной сможет остаться только один из них... Евгений оказывается между молотом и наковальней. Бывшие союзники становятся соперниками, а ведь их противники — влиятельные и опасные люди. Евгений знает, что не имеет права погибнуть, пока не отомстит...

[www.bookclub.ua](http://www.bookclub.ua)

ISBN 978-617-12-4489-4



9 786171 244894



КЛУБ  
СЕМЕИНОГО  
УДОСУГА





Вхід заборонено

Вхід заборонено



СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

**КЛЯНУСЬ  
ОДОМСТИТЬ**

РОМАН

ХАРЬКОВ  КЛУБ  
2018  СЕМЕЙНОГО  
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)  
М14



Никакая часть данного издания не может быть  
скопирована или воспроизведена в любой форме  
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *IvanouITCH*

ISBN 978-617-12-4489-4

- © Майдуков С. Г., 2017
- © DepositPhotos.com / nastia1983, IgorTishenko, Stefanedwards1, poramesstock, Wavebreakmedia, обложка, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

## ДЕЛО ЖИТЕЙСКОЕ

— Не может быть! Мне это снится? Я сплю?

Пашка Кандыбин потер кулаками глаза, потом снова посмотрел на землю перед собой. Нет, видение не исчезло: большущая бутылка водки по-прежнему лежала там, где Пашка ее увидел: на тропинке, ведущей к уборной в дальнем конце огорода. С одной стороны — буйные укропные джунгли, с другой — рядки подвязанных помидоров, посередине эта самая бутылка.

Откуда она взялась?

Пашка задрал голову к чистому утреннему небу, словно надеясь увидеть там ангела или даже самого Господа Бога, услышавшего его страстные молитвы. Чтобы не помереть, Пашке было необходимо похмелиться, а похмеляться было ровным счетом нечем и не за что.

Если бы не находка.

Только бы водка оказалась настоящей! Не миражом и не бутылкой с водой, заброшенной на огород шутки ради.

Настороженно осмотревшись, Пашка сделал несколько шагов вперед и опустился на колени. Золотистый колпачок держался прочно, стекло на ощупь было холодным и чуть влажным от росы, как будто бутылка пролежала здесь всю ночь.

Откуда же она взялась? Не с неба же, в самом деле, свалилась?

Решив обдумать это позже, Пашка подхватил бутылку и потрусил с нею через узкую калитку за ограду. Опасливый взгляд, брошенный на дом, показал, что слежка из окон не ведется, и все же бдительность терять нельзя. Если Надюха его засечет, праздник будет испорчен решительно и бесповоротно.

Уединившись на прогалине между зарослями камыша и непролазными кустами шиповника, Пашка мигом свернул бутылке головку и стал пить, поднеся горлышко к жадно открытому рту. Стакана под рукой не было, а лилось плохо по причине дурацкой пластмассовой затычки с дырочкой, но мужчины на то и мужчины, чтобы стойко терпеть лишения и преодолевать трудности. Почти не скривившись, Пашка влил в себя грамм сто пятьдесят и жарко задышал, переводя дух.

В зеленом убежище близ озера было безопасно и уютно, как в каком-нибудь партизанском схроне. Ни жена, ни дочка сюда не сунутся, соседи тоже, да и заезжие рыбаки по кустам шнырять не станут, нечего им тут делать.

Расслабившись, Пашка привстал, чтобы достать из кармана старинных «вареных» джинсов мятую сигаретную пачку. Сунул в рот запасливо сохраненный окурок, чиркнул спичкой, с наслаждением затянулся. Дальше пошло по накатанной дорожке: водка с сигаретным дымом вперемешку. Полчаса спустя Пашка уже полулежал в позе римского патриция, которым, конечно же, никогда не был ни в одном из своих предыдущих воплощений. Еще через час он опустил отяжелевшую голову на руку и забылся крепким дневным сном.

Ему ничего не снилось. Время томительных предрассветных кошмаров отступило до завтрашнего утра, а сегодня можно было расслабиться и ни о чем плохом не думать.

Вообще не думать.

Идеальное состояние.

Вот Пашкина супруга, которую, как уже упоминалось выше, звали Надеждой, та постоянно ломала голову над

проблемами, подбрасываемыми жизнью, большими и маленькими. То у нее что-нибудь сломается, то закончится, то денег не хватает, а чаще все сразу. Тем не менее дом Надежда продавать отказалась наотрез: уж слишком низкую цену предлагали, просто смехотворную.

Городская квартира у Кандыбиных имелась, но вместе с родителями и старшим сыном там было тесновато, так что на лето супруги с девятилетней дочерью выбирались за город, в дачный поселок, прозывающийся в народе то ли Грешками, то ли Гришками, на слух не разберешь, а в официальных документах название писалось совсем даже иначе: садоводческо-жилищный кооператив «Металлург», вот так и никак иначе.

Несмотря на неказистое название, дачный поселок был возведен в месте поистине райском. Отъезжаешь каких-нибудь пять километров за городскую черту и переносишься на самое настоящее лоно природы, густо поросшее зеленью. Тут тебе и большущее озеро с карпами и родниками, бьющими из песчаного дна, и сосновый бор вокруг, и гряда меловых гор, замечательно оживляющих местный пейзаж. Чистый воздух, рыбалка, грибы, тишь да гладь, да божья благодать.

Неудивительно, что на это райское местечко положила глаз крупная компания, вознамерившаяся возвести здесь элитный поселок и наладить продажу земельных участков. Естественно, жалкие дачки и дачечки советской поры не только портили картину, но и занимали полезную площадь. С ранней весны понаехали молодые люди с вежливыми лицами, стали скупать участки. К Кандыбиным тоже подкатывали, но деньги предлагали до того смешные, что даже Пашка не клюнул. «Не продадим, — заявил гордо. — Или цену нормальную предлагайте, или идите лесом. Вон он, по-над дорогой, видите?»

А вот семья Рыбальских, с которой Кандыбины были столь дружны, что даже забором не отгораживались, дачу продали. Пашка стал допытываться у Витька, за сколько да почему.

А тот насупился, желваки погонял на скулах и буркнул: «Надо так. Тебе тоже советую не упираться».

Больше от него добиться ничего не удалось, как Пашка ни наседали. Так и съехали Рыбальские, бросив нехитрые пожитки, огородный инвентарь и утварь. Перед отбытием Витек два пузыря выставил, так Пашка с того дня не просыхал. Пропил заначку, Надюхин кошелек спер, а сегодняшнего утра ждал, как казни, потому что деньги кончились и взять было негде. А тут подарок судьбы емкостью семьсот пятьдесят! Есть все-таки Бог, есть!

Очнувшись, Пашка первым делом допил водку, а потом принялся докуривать две последние сигаретины, сжигая их мелкими, экономными затяжками.

Может, и в самом деле продать дачу? Нет, глупо. Деньги все равно Надюха приберет и спрячет, а без дачи придется круглый год в квартире на головах друг у друга сидеть. Там и выпить не дадут как следует. Не спрячешься, не отлежишься, везде достанут. Нет уж, нам самим дачурка пригодится.

Пашка сплюнул, проделав это независимо и гордо. Точно так же, как сделал это, когда окончательно послал подалеже лощеного парнишку с папочкой.

— Не продается, понял ты? — заорал он, разогретый спиртовыми парами. — Ты что, тупой? Сколько раз тебе говорить? Вали отсюда.

— Хорошо, я уйду, — сказал лощеный. — Но вы пожалеейте.

В словах его чудилась угроза, настолько реальная и осязаемая, что Пашка даже протрезвел немного. Но тут на голоса выскочила Надюха, взвинченная и почти что невменяемая, как всегда, когда Пашка выходил из подчинения. От ее воплей лощеный чуть ли не бегом припустил к своей иномарке, только его и видели...

Вот бы найти его и сговориться так, чтобы деньги через рабочие Пашкины руки прошли, а Надюха про сделку раньше времени не узнала. Тогда можно было бы снять кварти-

ру, занести туда пару ящиков водяры и пожить в свое удовольствие, как человеку. Но деньги ведь кончатся, причем скорее раньше, чем позже, это даже проспиритованные Пашкины мозги понимали. Вот и оставалось смириться.

Пашка тупо посмотрел на последний окурочок, дотлевающий в пальцах. Смириться не хотелось. Это означало возвращаться домой с повинной и очень большой головой. Два, три, а то и четыре дня Надюха будет пилить заживо, прерываясь только на сон и посещение туалета. Бу-бу-бу, ба-ба-ба, бе-бе-бе. А рефреном будет звучать: «Алкаш проклятый!» А Пашка будет под эту музыкачку вкалывать с утра до вечера. И страдальчески заглядывать в глаза дочурки: простила ли?

Эх, оттянуть бы эту каторгу!

Выбравшись из кустов, Пашка не стал отряхиваться от сухих веточек и паутины, а, как был, побрел по тропке, ведущей вдоль озера. Возвращаться домой отчаянно не хотелось. Уж лучше потом, когда хмель окончательно выветрится. Только надолго ли хватит выпитого? Час, два, три, а потом все сначала: похмелье, смертная тоска, ночные кошмары, визгливый голос жены, сверлящий мозг. Хоть в петлю!

Стоя на прогалине, Пашка безнадежно пошарил по карманам, прекрасно зная, что не выудит оттуда ни мятой кулюры, ни даже сигареты.

— Хреново тебе, друг?

Голос, раздавшийся за спиной, прозвучал весело, но без издевки, а даже с некоторым участием. Медленно повернувшись, Пашка прищурился, прикрывая глаза от солнца. Перед ним стоял мужчина лет тридцати, крепкий, в трикотажной рубашке с мягким воротником и короткими рукавчиками, обтягивающими бицепсы. Улыбаясь, он поглаживал бутылку с прозрачной жидкостью, которая явно не была водою.

— Нормально, — произнес Пашка хрипло, глядя то в глаза незнакомца, то на бутылку в его руках.

Рубашечка была малиновая, с белым крокодильчиком на кармашке.

— Подлечимся? — предложил ее обладатель. — Перебрал вчера. Вот, взял лекарство, а одному неохота. Ты как?

— Я? — Пашка сглотнул. — Можно, если не шутишь.

— Тогда пошли на бережок, — сказал мужчина в малиновой рубашке. — Там нам никто не помешает.

Спустившись по пологому откосу, они расположились на деревянном помосте и свесили ноги над зеркальной гладью озера. Пахло тиной и гниющими камышами.

— О! — обрадовался неизвестный, показывая стакан, извлеченный как бы из ниоткуда. — Посуда имеется. Я себе налью, а ты из горла? Не возражаешь?

Пашка не отказался бы даже прямо с досок лакать пособачьи. Он преданно посмотрел в глаза новому другу и принял бутылку из его больших сильных рук. Звали этого замечательного человека Мишей. Оказалось, что вчера он праздновал свой день рождения на даче, а сегодня душа требовала продолжения.

— Ну ты понимаешь, — сказал Миша.

— Понимаю, — кивнул Пашка.

Давно ему не было так хорошо. Мужская дружба — великая вещь. Женщинам этого не понять. Пашка стал доносить свою мысль до Миши, но тот перебил его:

— Погоди, погоди, ты фильтром прикуриваешь. Переверни сигаретку-то. Вот так. Теперь тяни.

— Хорошие сигареты, — оценил Пашка, пуская дым не то чтобы к небу, а куда-то наискось, в ту сторону, куда голова клонилась.

Миша что-то ответил. Пашка опять что-то сказал. Так несколько раз. За разговором бутылка незаметно закончилась. Это огорчило Пашку, но не сильно. Ему срочно требовалось прилечь.

— Пойдем, друг, — сказал Миша, ставя его на ноги.

— Куда? — спросил Пашка, повернувшись на голос.

— Домой. Куда ж еще.

— Не, домой нельзя. Там Надюха.

— С ней уже уладили, не бойся, — сказал Миша.

— Что уладили? — завертелся Пашка на ходу. — Кто?

— Люди. Не будет больше на тебя наезжать, отвечаю.

— Точно?

— Точно, точно... Переставляй ноги... Вот так...

Возле калитки Пашка уперся:

— В таком виде нельзя. Катя смотреть станет. Это дочь моя, Катенька. Стыдно перед ней.

— Ты мужик или нет? Вот, хлебни еще для храбрости.

Перед мутнеющим взором возникла плоская бутылочка с предусмотрительно снятой крышкой.

— Коньяк, — определил Пашка.

— Вискарь, — поправил Миша. — Глотай. Конфетку жуй. Пошли дальше.

Огород сделался просто огромным, а тропинка между грядками, обычно прямая, теперь петляла из стороны в сторону, как будто стараясь запутать Пашку, вымотать, свалить в картофельную ботву или в кусты крыжовника. Он заставлял себя делать шаг за шагом. Рядом сосредоточенно сопел Миша, перебросивший вялую Пашкину руку через шею. Он не бросал друга. Тащил его на себе, как это делают бойцы в хороших фильмах про войну. Выносил с поля боя раненого.

— Бо... — бормотал Пашка. — Во... Ты...

— Само собой, — согласился Миша. — Все, приплыли. Возьми-ка.

Перед глазами раскачивались ступеньки кафельного крыльца. Пластмассовый коврик съехал в сторону, открывая взору накопившийся сор. А больше Пашка не видел ничего. Его зрение как бы сузилось, словно он смотрел перед собой в трубу. На что направишь, на то и смотришь. Только вот предмет, протянутый Мишей, разглядеть толком не удавалось. Это все из-за тряпки, в которую предмет был замотан.

— Что это? — спросил Пашка. Вернее, озвучил вопрос подходящими звуками.

— Бери, бери, — сказал Миша, развернув материю.

Она была перепачкана красным. Топор, находившийся внутри, тоже.

— Что за херня? — удивился Пашка. — О... а... хххх...?

Топор пришлось взять. Ладонь сразу приклеилась к топорщику, не отнять. Миша перевел Пашку через порог и сильно толкнул в спину. Движение по заданной траектории было стремительным и коротким, как полет метеора, сгорающего в земной атмосфере. Пашка, приседая на ходу, сделал несколько шагов на мягких ногах, врезался в составленные пирамидой шкафчики и рухнул вместе с ними.

Что-то грохотало, звякало, било и раскатывалось. Это длилось достаточно долго. Перед слабеющим мысленным взором Пашки возникло лицо Надюхи, выкрикивающей всякие ругательные слова.

«Спрятаться, — подумал он. — Спрятаться, чтобы не нашла».

Примерно так.

Встав на четвереньки, Пашка бойко пополз в соседнюю комнату, решив, что ему необходимо забраться на кровать и укрыться с головой одеялом. Лезвие топора лязгало об пол, вторя движениям правой руки.

Путь к лежбищу преграждали две пары ног, разбросанных по полу как попало. Одна в тапочке, еще одна босая, две остальные в гольфах. Все четыре были забрызганы красным, как и пол вокруг.

— Надя, — тупо позвал Пашка. — Катя?

*Н-на... К-ка...*

Женщины его не услышали. Продолжали лежать, как лежали, перепачканные кровью с головы до ног, особенно с головы. На Пашкин голос отреагировал только Миша. Осторожно приблизившись, он огрел Пашку сковородкой по темечку. Окровавленные тела и пол сразу исчезли из

Пашкиного поля зрения, и это принесло невероятное облегчение.

Ничего не стало. Пашки тоже как будто не стало, хотя он вроде бы как лежал там, где его свалил удар. Рядом валялся топор, лезвие которого было облеплено красными волосами. Комната выглядела так, словно в ней буйствовал свихнувшийся мясник.

Молодой человек, представившийся Мишей, достал мобильный телефон и вызвал полицию.

— Убийство на бытовой почве, — сказал он. — Двойное. Житель дачного поселка «Металлург» напился и зарубил топором свою семью. Кандыбин его фамилия. Четвертый дом по Первой Садовой улице. Нет, не сбежал. Лежит пьяный. Нет, не представляюсь. Я не буду выступать в качестве свидетеля. Опасаюсь мести преступника.

Оборвав разговор, молодой человек выковырнул из телефона чип-карту, заменил ее другой и набрал другой номер.

— Уходим, — негромко сказал он. — Порядок. Все отдыхают.

Еще раз окинув придирчивым взглядом жилище, он направился к выходу. Его лицо сохраняло полнейшую невозмутимость, словно все, что тут произошло, было для него делом совершенно обычным.

## МИРНАЯ ИНИЦИАТИВА

—Сука! — прошипел Кораблев, после чего добавил еще несколько слов различной степени грубости.

Чтобы не возмущать поборников нравственности, отметим, что краткая тирада Кораблева могла быть адресована собаке, которая пробежала слишком близко и чем-то его расстроила. Кораблев ведь находился на природе, где всякой живности хватает. На своем участке он мастерил душевую кабинку. Точнее, пытался мастерить.

В свое время Кораблев привез на дачу из родного НИИ двенадцать дюралевых шкафов от электронно-вычислительной техники, благополучно списанной и растащенной на цветные металлы. В разобранном виде они никому не мешали и вполне умещались за сараем, однако супруга Кораблева почему-то невзлюбила их и требовала, чтобы этот хлам, как она выражалась, был убран.

Всеволод Валентинович Кораблев, человек бережливый и хозяйственный, такому разбазариванию добра противился. Доказывая пользу дюралевых пластин, он две из них использовал в качестве продолжения дорожки к уборной, а еще четыремья накрыл крышу протекающего сарая. Тем не менее материала оставалось еще вполне достаточно, как и простора для полета фантазии, так что Кораблев занялся делом.

Проект продвигался тяжело и медленно. Уже дважды удавалось скрепить стены кабинки болтами с гайками, водрузить на специальную раму с ножками, но ее то перекашивало, то дверь отваливалась, а то вся конструкция разваливалась, грозя создателю увечьями различной степени тяжести.

Кораблева все чаще навевывалась на место работ и нервировала мужа своими саркастическими и, главное, некомпетентными замечаниями.

— Брось ты это старье, Сева, — говорила она, морщась. — Ну что ты возишься со своей рухлядью? Купим лучше готовую кабину, новую, легкую.

— Зачем выбрасывать деньги на ветер? У меня что, рук нет?

— Руки-то есть, да только...

Жена деликатно замолчала, не желая травмировать мужа своим видением того, какие именно у него руки и откуда они растут. Но тут Кораблев взбеленился, потому что ему и прежде доводилось слышать разные обидные высказывания по этому поводу.

— Что «только», что «только»? — кипел он. — Да я эту дачу сам по кирпичику, по досточке собрал. Мне кабинку собрать — плевое дело. Просто тут отверстия неправильно просверлены. Перекос получается, видишь? — Нагнувшись, он принялся громыхать рассыпавшимися панелями. — Возьму дрель, просверлю новые дырки, и будет лучше магазинной.

— Но раньше ведь эти шкафчики как-то держались, — возразила жена.

Резон в ее словах присутствовал, а потому Кораблев разнервничался еще сильнее.

— Ра-аньше, — передразнил он. — Ты еще цены прежние вспомни. Раньше много чего было. Я лабораторией заведовал, и мы могли себе позволить каждый год на юг выезжать. А теперь дальше дачи не сунешься, цены кусаются. —

Выпрямившись, он пнул ни в чем не повинную дюралевую боковину. — Горбатишься, горбатишься, а вместо благодарности одна критика.

— Я не критикую, — поспешила заверить его супруга. После чего совсем непоследовательно добавила: — Твою конструкцию, даже если получится, потом ведь разбирать придется. Опять целый день промучаешься. Я тебя сколько прошу виноград подвязать, а ты со своим мавзолеем возишься.

Кораблев недоумевающе посмотрел на нее.

— Зачем разбирать?

— Так ведь утянут же и на металлолом сдадут.

Кораблев нахмурился. Опять жена была права, однако дух противоречия не позволял сдаться так просто. Он хотел сказать, что обошьет кабину фанерой и покрасит, чтобы замаскировать наличие алюминиевого сплава, но не успел. Во двор вошел незнакомый подросток лет четырнадцати. Остановился у входа и уставился на Кораблевых наглыми выпуклыми глазами.

— Тебе чего? — нелюбезно спросила жена, недолюбливавшая всех тинейджеров сразу. — Ищешь кого?

— Вас, — сказал парнишка.

— И чего тебе надо? — вмешался Кораблев, который тоже с подозрением относился к молодому поколению, от которого ничего хорошего не ожидал.

— К вам люди приходили, — сказал парнишка.

Он был в шортах, драной футболке и кепке, нахлобученной козырьком назад.

«Пугало огородное», — подумал Кораблев, медленно выдвигаясь вперед.

— Какие люди? — спросил он.

— Насчет продажи участка, — был ответ.

— И что? — насторожилась Кораблева, следуя в фарватере мужа.

— Они интересуются, когда вы бумаги подпишете, — сказал тинейджер.

— Твое какое собачье дело? — совсем уже грубо спросил Кораблев.

— Меня прислали узнать.

— Ты этот, риелтор? — язвительно осведомилась Кораблева. — Бизнесмен малолетний?

Слово «риелтор» заканчивалось у нее слогом «ер», а «бизнесмен» произносился с мягким знаком в середине, придавая термину пренебрежительный оттенок.

— Я посол, — представился лупоглазый отрок, уточнив: — С мирной инициативой пришел.

Солнце шпарило вовсю, но у Кораблева внезапно похолодела спина. Как будто обильный пот испарялся на ветру, хотя ветра никакого не было. Стрекотали невидимые кузнечики, гудели пчелы. Во дворе четы Кораблевых стоял малолетний пришелец и нахально пялился на них, будто знал нечто такое, чего не знали они.

Он внушал Кораблеву смешанные чувства. Страх и отвращение, как при взгляде на крысу, прихлопнуть которую хочется и страшно одновременно. Нельзя только позволить ей безнаказанно пялиться на тебя.

Неожиданно сорвавшись с места, Кораблев бросился к подростку. Но тот был начеку. Как только возникла опасность быть схваченным, он выскочил из двора и оседлал велосипед, ожидавший его снаружи.

— Сейчас уеду! — предупредил несовершеннолетний «посол» в бейсболке козырьком назад. — Ищите тогда его сами.

— Кого?

Собственный голос показался Кораблеву сдавленным карканьем. Жена стояла в шаге за его спиной, неотрывно глядя на паренька сквозь сетку-рабицу. Одна его нога была готова в любое мгновение оттолкнуться от земли, вторая предусмотрительно стояла на педали. Чтобы схватить его, потребовалось бы выскочить наружу и резко повернуть направо. Кораблев сомневался, что успеет совершить такой

бросок. Приходилось стоять на месте и разговаривать через ограду.

— Кого? — повторила жена вопрос.

Мелодично и звонко, как будто она не просто помолодела, а превратилась в девчонку.

— Сами знаете, — отрезал подросток.

Он настороженно следил за действиями супругов.

— Не знаем, — сказал Кораблев. — О ком ты говоришь?

Кого он хотел обмануть? Наверное, в первую очередь самого себя. Он уже догадался, что речь идет о внуке. Олешки в палисаднике не было. Там еще в прошлом году Кораблев вывалил кучу песка для строительных нужд, но внук нашел ей иное применение. Насыпь превратилась в любимое место для игр. В песке зияло множество нор и соединяющихся ходов, вокруг валялись пластмассовые игрушки, а сам Олешка отсутствовал.

Это было ужасно эгоистично, но в эти секунды Кораблев подумал не о судьбе четырехлетнего мальчика, а о своей собственной. Как он сможет жить дальше? Чем залечит незаживающую рану ужасной потери? Как осмелится смотреть в глаза детям, доверившим ему единственного сыночка? Не углядел. Не уберег. Оставил Олешку одного, понадеявшись на то, что в дачном поселке, где все на виду и знают друг друга, малыш в безопасности. Но в тихом омуте черти водятся. И вот один из них прямо перед глазами. Чертенок. От него сейчас зависит будущее всей семьи Кораблевых.

— Короче так, — заявил подросток, не забывая бросать быстрые настороженные взгляды по сторонам. — Пацаненок ваш потерялся, как вы сами видите.

— Олешка! — жалобно вскрикнула Кораблева, хватаясь обеими руками за сердце. — О...

Она уже набрала полную грудь воздуха, чтобы закричать по-настоящему, но парнишка на велосипеде поспешил предупредить:

— Шум поднимете, я смоюсь. И тогда ищите сами своего клопа.

— Ты знаешь, где он, — проговорил Кораблев. — Знаешь, да? Говори. Не молчи, пожалуйста. Чего ты хочешь? Денег? Сколько?

Вопрос застал подростка врасплох. По его лицу словно рябь побежала, отображая напряженный мыслительный процесс, происходящий внутри. Некоторое время казалось, что он сейчас потребует от Кораблевых принести всю имеющуюся у них наличность, но какое-то соображение мешало ему так поступить. И оно победило, потому что парнишка заявил:

— Не надо мне ваших денег. А если хотите, чтобы пацаненок нашелся...

— Что? — спросили Кораблевы одновременно.

Во взгляде гонца и до этого читалось полнейшее презрение к обоим, но теперь к нему примешалось выражение некоторого сочувствия.

— Подписывайте, что вам говорят, — процедил он, сканируя взглядом двор и окрестности. — Дом продавайте и живите себе дальше.

— Мы подпишем, — заторопилась Кораблева. — Все, что надо. Хоть прямо сейчас: документы на участок здесь. Только верните... слышите? Мальчика верните!

— Я его, что ли, забирал? — ощерился подросток. — Мне сказали, я передал.

— Мы поняли, поняли, — закивал головой Кораблев. — Передай своим, что мы согласны. Только Олежку...

Он сглотнул с такой натугой, будто горло ему перекрывал неочищенный каштан в колючей кожуре.

— Ждите, — бросил подросток сквозь металлическую сетку, оттолкнулся ногой и закрутил педали.

— Куда он?.. Догоняй!.. Уедет же!.. — запричитала Кораблева, подталкивая мужа к калитке. — Догоняй же!

— И что дальше? — вызверился он. — Поймал шкета, допустим. Дальше что? Думаешь, он знает, где Олежка?

Скажет, выдумал все. Или мы на него наговариваем. Или еще что-нибудь.

Повисла пауза, продлившаяся несколько минут и еще вечность в придачу.

— Что же делать? — спросила жена, нервно перебирая складки халата всеми десятью пальцами. — Делать что?

— А нам сказали, — произнес Кораблев, чувствуя, как внезапно навалившаяся усталость так и норовит придавить его к земле. — Ждать. Сейчас кто-нибудь объявится. Дачу продавать придется.

— Да и черт с ней! Пусть хоть даром забирают. Я...

Тут Кораблева умолкла, прислушиваясь. В узкую улочку втиснулся черный автомобиль с незнакомой эмблемой на сверкающем капоте. Остановившись как раз напротив су-пругов, он выпустил из тонированного нутра уже знакомого Кораблевым молодого человека в куцем пиджачке и узких брючках, придающих ему современный деловой облик.

— А я снова к вам, — объявил он, помахивая кожаной папочкой, такой же лоснящейся, как ее улыбочивый обладатель. — Подумал, может, вы переменили свое решение. Я не ошибся? Как? Поговорим?

— Сначала внука верните, — зло сказал Кораблев.

— Не понял. — Молодой бизнесмен перестал улыбаться и наморщил лоб. — Какого внука? Вы о чем?

Кораблев тяжелым шагом направился к калитке:

— А я вот сейчас объясню тебе, гаденыш!..

Жена вмешалась вовремя. Поймав его за руку, оттащила и оттеснила на второй план.

— Уходи, Сева, — произнесла она сквозь зубы. — Я сама обо всем договорюсь. Зайди в дом и не возникай, ради бога. Заклинаю, Сева! Оставь нас одних.

Кораблев посмотрел на визитера, беззвучно выругался и скрылся за углом.

— Проходите, — сказала его супруга, распахивая калитку настежь. — Давайте не будем терять время.

Дача продается. Мы хотим оформить все как можно быстрее.

— Рад слышать, — снова заулыбался молодой человек, заходя во двор. — Моя фамилия Летягин, Олег Летягин. Выходит, мы с вашим внуком тезки. Очень приятно.

Он развел руки, держа папку на отлете. Кораблева хотела спросить, откуда ему известно про Олежку, но сдержалась. В этом не было никакого смысла. Она ничего не хотела выяснять, ничего не хотела знать. Ей хотелось лишь одного: поскорее прижать внука к себе и удостовериться, что с ним все в порядке.

— Пойдемте, — пригласила она, наклонив голову. — Во дворе есть стол. Там нам будет удобно.

— Не сомневаюсь, — заулыбался Летягин.

Прежде чем последовать за хозяйкой, он бросил взгляд на игрушки, разбросанные в песке. Его улыбка при этом сделалась только шире.

## ДОБРО С КУЛАКАМИ

Женя Артемов терпеть не мог работ на даче, которые называл каторжными. Сам поселок ему тоже не нравился, сколько ни пытались родители убедить его в обратном. Пока в институте шла учеба, еще можно было как-то отвертеться, ссылаясь на зачеты и семинары, но летом такие номера не проходили.

— Побудешь сегодня муравьем? — спрашивал отец, и Женька неизменно отвечал согласием.

Это было чем-то вроде их пароля, секретного кода, часто вырабатывающегося у людей близких, у которых много общего, в том числе и воспоминаний. Еще совсем маленьким услышал Женька рассказ отца о муравьях и заявил, что тоже хочет быть муравьем. Почему? Да чтобы пользу приносить. Кому какую конкретно — тогда это не имело значения. Теперь тоже. Какая разница — пилить, копать или сколачивать? Главное, что польза родителям приносилась, а свободное Женькино время таяло без следа.

Но он не возражал. Не потому, что побаивался отца или был безвольным. Нет, характер у парня был как раз достаточно твердый. Просто сложилось так, что отец был Женьке лучшим другом, взрослым и очень надежным. А что за дружба, если не помогать друг другу?

Вот и сегодня Женька перенес свидание с Ленкой на вечер, погрузился в семейный «Фольксваген» и укатил за го-

род. До обеда они с отцом успели зацементировать площадку перед сараем и покрыть лаком решетки на окнах, чтобы не ржавели. За обедом, с аппетитом уплетая мамину стряпню под развесистой черешней, мужчины степенно обсуждали план дальнейших действий, а хозяйка следила за ними, чтобы вовремя предложить, подать, придвинуть.

— У Кандыбиных беда, — сообщила она, когда муж и сын принялись за ледяной компот с фруктами. — Мне Филимониха рассказала, когда я к ней за яйцами ходила.

Женя с отцом одновременно посмотрели на третью по счету крышу, торчащую над бахромой зелени. Серая, чуть замшелая, она так примелькалась, что стала невидимой. Но не сейчас.

— Опять Пашка дебоширил? — предположил Степан Игнатьевич, орудуя ложечкой в чашке, вылавливая оттуда вишни.

— Хуже, — ответила Лидия Ивановна. — Он своих топором зарубил.

— Что? — Женька замер со сливовой косточкой во рту.

— Топором зарубил, — повторила мать. — Напился и...

— Придурок. — Отец швырнул чайную ложку на стол. — Говорил ему: допьешься до белой горячки. Да с такими бесполезно говорить.

Женя выплюнул косточку и помолчал, отстраненно прислушиваясь к разговору родителей. Павел Кандыбин не вызывал у него ни страха, ни сочувствия, ничего. Обычный алкаш в растянутой футболке и неизменной сигареткой в гнилых зубах. А вот жену и дочку было жалко. Неужели это правда? Еще в прошлую субботу Женька видел всех троих живыми и здоровыми, а теперь никого нет. Все кончилось для Кандыбиных. Кто в тюрьме сгниет, кто в земле, какая разница. Зачем жили? Поесть-попить, потрахаться — и фьют? Глупо. Ох, как глупо.

— Пойдем заканчивать, пап, — окликнул Женька, у которого пропало настроение. — Я пораньше уехать хочу.

— С Леночкой пойдете куда-нибудь? — фальшиво спросила мать.

## СОДЕРЖАНИЕ

Дело житейское . . . . .	5
Мирная инициатива . . . . .	14
Добро с кулаками.. . . . .	22
Разборки на «Олимпе» . . . . .	31
Ночные новости . . . . .	40
Услуга за услугу . . . . .	47
Горек дым сигарет... . . . .	55
Временно недоступна . . . . .	64
Третьего не дано. . . . .	71
Новый порядок . . . . .	80
Вход запрещен . . . . .	92
Мамаево побоище . . . . .	101
Опасная черта . . . . .	110
Пьяные откровения . . . . .	120
Женщина и мужчина . . . . .	130
Предупрежден — значит вооружен . . . . .	143
Деловая хватка . . . . .	154
Власть народу! . . . . .	165
Мосты сожжены . . . . .	173
Ночная жизнь.. . . . .	183
Союз трех . . . . .	195
Коварство против коварства.. . . . .	207
Подкрался незаметно . . . . .	214
Разносторонний треугольник. . . . .	225
Двойной капкан.. . . . .	235
Последний и решительный.. . . . .	243

Літературно-художнє видання

**МАЙДУКОВ Сергій**  
**Клянущя помститися**

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*  
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*  
Редактор *С. В. Душкевич*  
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*  
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*  
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 13.12.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.  
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 13,44. Наклад 11 000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»  
Св. № ДК65 від 26.05.2000

61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПрАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»  
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4  
впроваджена система управління якістю  
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

---

Літературно-художественное издание

**МАЙДУКОВ Сергей**  
**Клянущь отомстить**

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*  
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*  
Редактор *С. В. Душкевич*  
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*  
Технический редактор *В. Г. Евлахов*  
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 13.12.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.  
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 13,44. Тираж 11 000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»  
Св. № ДК65 от 26.05.2000

61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ЧАО «Белоцерковская книжная фабрика»  
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4  
внедрена система управления качеством  
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

**УКРАИНА**

- по телефонам справочной службы  
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)  
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: [www.bookclub.ua](http://www.bookclub.ua)
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду



**Для оптовых клиентов**

**Харьков**

тел./факс +38(057)703-44-57  
e-mail: [trade@ksd.ua](mailto:trade@ksd.ua)

**Киев**

тел./факс +38(067)575-27-55  
e-mail: [kyiv@ksd.ua](mailto:kyiv@ksd.ua)

**Одесса**

тел./факс +38(067)572-44-28  
e-mail: [odessa@ksd.ua](mailto:odessa@ksd.ua)

**Приглашаем к сотрудничеству  
авторов**

e-mail: [publish@ksd.ua](mailto:publish@ksd.ua)

**Приглашаем к сотрудничеству художников,  
переводчиков, редакторов**

e-mail: [editor@ksd.ua](mailto:editor@ksd.ua)

Євген Артьомов присягнувся, що помститься нелюдам, які спалили заживо його батьків у їхньому власному будинку. Для цього він знайомиться з Юрієм Яришніковим — справжнім бійцем. Юрій працює на фатальну красуню, бізнес-леді Ангеліну. Дівчина втратила рідного дідуся — його вбили ті самі злочинці заради земельної ділянки. Молоді люди починають відчайдушну боротьбу, але згодом Євген та Юрій закохуються в Ангеліну. Колишні союзники перетворюються на суперників, та їхні супротивники — впливові й небезпечні люди. Євген знає, що не має права загинути, допоки не помститься...

**Майдуков С.**

М14 Клянись отомстить : роман / Сергей Майдуков. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 256 с.

ISBN 978-617-12-4489-4

Евгений Артемов поклялся расквитаться с извергами, которые сожгли заживо его родителей в их собственном доме. Для этого он знакомится с Юрием Ярышниковым — настоящим бойцом. Юрий работает на роковую красотку, бизнес-леди Ангелину. Девушка потеряла любимого дедушку — его убили те же преступники ради земельного участка. Молодые люди начинают отчаянную борьбу, но вскоре Евгений и Юрий оба влюбляются в Ангелину. Бывшие союзники становятся соперниками, а ведь их противники — влиятельные и опасные люди. Евгений знает, что не имеет права погибнуть, пока не отомстит...

УДК 821.161.1(477)